

Д.А. Черноглазов

БЫЛ ЛИ В ВИЗАНТИИ PLURALIS MAJESTATIS? ЗАМЕЧАНИЯ О «МНОЖЕСТВЕННОМ ВЕЛИЧИЯ» В ВИЗАНТИЙСКИХ ТЕКСТАХ IX–XI ВВ.*

Аннотация: В статье анализируется специфика употребления *pluralis majestatis* («множественное величия») в византийских текстах IX–XI вв. Изучаются правовые документы (новеллы, хрисовулы и пр.), официальные послания и личные письма императоров. Демонстрируется, что в изучаемый период данная этикетная норма сохраняется, но используется реже, чем в ранневизантийскую эпоху; начиная с XI в. предпочтение оказывается формулам самообозначения с местоимением единственного числа. Выявляются закономерности, связанные с употреблением *pluralis majestatis* в различных жанровых формах. Проводятся параллели между *pluralis majestatis* и *pluralis reverentiae* в Византии.

Ключевые слова: *Pluralis majestatis*, *pluralis reverentiae*, «множественное величия», новелла, хрисовул, эпистолография, Македонский ренессанс.

Pluralis majestatis (далее РМ), «множественное величия» — употребление 1 л. мн. ч. вместо 1 л. ед. ч., выражающее авторитет самодержавной власти, или — в более широком смысле, характерном для Средневековья — подчеркивающее превосходство говорящего по отношению к собеседнику.

«Множественное величия» не следует смешивать с другими случаями употребления 1 л. мн. ч. вместо 1 л. ед. ч. Среди них основные: *pluralis modestiae* — «множественное скромности»; *pluralis sociativus*, используемое, когда говорящий подразумевает не только себя, но и других лиц, своих друзей или единомышленников; *pluralis auctoris* — «множественное авторства», активно употребляемое, например, в современной научной литературе. В современных европейских языках, в частности, и в русском, широко распространено и употребление 2 л. мн. ч. вместо 2 л. ед. ч., выражающее почтительность к собеседнику — «множественное вежливости», *pluralis reverentiae* (далее РР).

Становление и развитие РР и РМ в западноевропейской латинской традиции изучено неплохо: известно, что оба языковые явления возникли в поздней античности, а к X–XII вв. сформировались в устойчивые этикетные нормы, связанные между собой: их употребление отчетливо фиксируется в текстах (как в письмах и официальных документах, так и в художественной литературе, на-

---

* Исследование осуществляется при содействии РГНФ, проект № 15–03–00138 «Античная логика и византийская интеллектуальная традиция: аспекты рецепции».

пример, в «Песни о Роланде» или в «Песни о Сиде»¹, но также и эксплицитно регламентируется в теоретических трактатах по *ars dictaminis*², науке эпистолярного общения: к вышестоящим рекомендуется обращаться на «вы», говоря о себе «я», а нижестоящим писать «ты», о себе отзываясь во множественном числе³. В трактате *Summa dictaminis* Гвидо Фабы это правило суммируется в одной емкой фразе: «И знай, что пусть вышестоящие говорят о себе во множественном числе, и к ним, подобным образом, следует обращаться во множественном»⁴. Правила, сложившиеся в Средние века, особенно в отношении PR, в значительной мере сохраняются и поныне.

В греческом языке РМ впервые отмечается в эллинистический период в официальных посланиях правителей эллинистических государств. В основе лежит, как справедливо отмечают исследователи, все тот же *pluralis sociativus*: правитель говорит не только лично от себя, но и от лица всех своих подданных. Однако это явление, присущее эллинистической эпохе, оказывается изолированным: в I–III вв. примеров РМ в греческом языке практически нет; он возвращается уже в указах и посланиях императоров IV–V вв., в процессе взаимовлияния с латинской традицией⁵. Наиболее часто и последовательно «множественное величия» употребляется в VI — начале VII вв. Так, в указах и новеллах Юстиниана фигурирует исключительно *pluralis* вне зависимости от того, говорит император от имени главы государства или о себе лично⁶.

Что же происходит в последующие столетия византийской истории? Как РМ развивался и функционировал на византийской почве, и поныне остается малоизвестным. Судьба РМ в Византии была рассмотрена лишь в одной статье⁷, в самых общих чертах и с учетом лишь немногих источников. Задача настоящей работы охарактеризовать эволюцию «множественного величия» в Византии с середины IX по XI вв., с 867 по 1081 г., т. е. с Василия I Македонянина до Никифора III Вотаниата. Эти хронологические рамки выбраны не случайно: с одной стороны, именно с начала правления Македонской династии в нашем распоряжении оказывается достаточное количество документов императорской канцелярии, чтобы судить о какой-либо закономерности; с другой стороны, после 1081 г., с приходом Алексея I Комнина, начинается новый период, заслуживающий отдельного исследования.

¹ См., напр.: *Wolff P.* Premières recherches sur l'apparition du vouvoiement en latin medieval // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.* 1986. 130e année. №. 2. P. 370–383; *Idem.* Nouvelles recherches sur le vouvoiement: quatre poèmes épiques, quatre formes d'adresses, quatre tempéraments nationaux? // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.* 1988. 132e année. No 1. P. 58–74; *Ehrismann G.* Duzen und Ihrzen im Mittelalter // *Zeitschrift für deutsche Wortforschung.* 1901. Bd. 1. S. 117–149; *Sasse J.* De numero plurali qui vocatur maiestatis. *Dissertatio inauguralis.* Lipsiae, 1889.

² О средневековой латинской эпистолярной теории см.: *Murphy J.J.* *Rhetoric in the Middle Ages: A History of Rhetorical Theory from Saint Augustine to the Renaissance.* Berkeley, 2001.

³ *Ehrismann G.* Duzen... S. 132–133.

⁴ *Rockinger L.* Briefsteller und Formelbücher des elften bis vierzehnten Jahrhunderts. Abt. 1. München, 1863. S. 189: Et scias, quod in plurali numero de se loquentur majores, et eisdem scribetur similiter in plurali.

⁵ *Zilliaccus H.* Selbstgefühl und Servilität. Studien zum unregelmässigen Numerusgebrauch im Griechischen. Helsingfors, 1953. S. 36–45, 49–50.

⁶ *Sasse J.* De numero... P. 20–22.

⁷ *Ibid.*

Pluralis reverentiae

Поскольку в западноевропейской традиции РМ и РР были взаимосвязаны и развивались как компоненты единой этикетной нормы, то и нам, прежде чем анализировать РМ в Византии, целесообразно будет сделать отступление и вкратце рассказать о судьбе РР в древнегреческой и византийской традиции. Если эволюция РР в греческом языке до VII в. в общих чертах изложена в монографии Х. Циллиакуса⁸, то последующее развитие этой нормы до последнего времени оставалось и вовсе terra incognita. Единственной попыткой восполнить этот пробел стали две наши статьи⁹, результаты которых мы ниже и суммируем.

В греческом языке РР, как и РМ, возникает в эпоху поздней античности: если не считать некоторых ранних и спорных примеров¹⁰, обращение на «вы» начинает активно появляться в деловой переписке, дошедшей до нас на папирусах. Значительный рост обращений на «вы» к одному лицу наблюдается в папирусах с III в. При этом изначально, по-видимому, эта форма еще не была выражением почтительности: обращаясь к адресату во множественном числе, автор письма подразумевал его семью, друзей или домочадцев, т. е. речь идет о социативном употреблении.

Лишь позже, в V–VII вв., обращение на «вы» приобретает привычное для нас значение: оно становится знаком вежливости, начинает выражать уважение к адресату, пиетет к высокопоставленному лицу. Языковое явление, зародившееся в бытовой среде, со временем укореняется и в сфере высокой литературы: pluralis reverentiae все чаще появляется в «литературной» эпистолографии (здесь особо выделяются письма Феодорита Киррского) и даже в придворной поэзии, ориентированной на античную традицию¹¹. Так, Константинополь обращается на «вы» к императору Юстиниану под пером Павла Силенциария¹²; автор ранне-византийской эпиграммы обращается на «вы» к Христу (AP I. 25).

В рамках наших статей мы проанализировали ряд эпистолярных собраний средневизантийской эпохи: Максима Исповедника, Феодора Студита, Игнатия Дякона, Фотия, Феодора Дафнопата, Михаила Пселла, Иоанна Цеца, Евстафия Солунского и многих других. Исследование привело к следующим выводам:

1. Частотность употребления РР с IX по XII вв. существенно снижается. В письмах IX — середины X вв. он еще встречается нередко. Так, например, он обнаруживается в 76% писем Игнатия Дякона, в 45% писем Николая Мистика, в 36% писем Феодора Дафнопата. У авторов, живших на рубеже

⁸ Zilliaccus H. Selbstgefühl...

⁹ Черноглазов Д.А. Pluralis reverentiae — норма византийского эпистолярного этикета? // Индо-европейское языкознание и классическая филология — XIX (чтения памяти И.М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 22–24 июня 2015 г. / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб., 2015. С. 954–963; *Idem*. Замечания о византийском эпистолярном этикете XII в.: pluralis modestiae и pluralis reverentiae // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. No 4 (145). С. 94–104.

¹⁰ См., напр.: Shewan A. The Pluralis Maiestatis in Homer // The Classical Quarterly. 1913. Vol. 7. No 2. P. 129–131. О греческих формах обращения в античности см.: Dickey E. Greek Forms of Address from Herodotus to Lucian. Oxford, 1996. По мнению исследовательницы, РР для греческой античности совершенно чужд.

¹¹ Zilliaccus H. Selbstgefühl... S. 52–76.

¹² Paul. Descr. 227, 229, 242.

X и XI вв, Никифора Урана и Льва Синадского, не удается найти ни одного примера почтительного обращения на «вы»; та же тенденция сохраняется в XI — из всех писем Иоанна Мавропода мы обнаружили PR лишь в двух посланиях, а из 200 писем Михаила Пселла — вообще ни в одном; в письмах большинства авторов XII в PR тоже полностью отсутствует: единичные случаи можно найти только у Феофилакта Охридского и Иоанна Цеца.

2. Крайне редко можно встретить письмо, где автор обращается к адресату на «вы» последовательно от начала до конца письма. Переход от одного обращения к другому может происходить даже в пределах одной фразы, порождая анаколуфы. Предпочтительно PR появляется в составе ряда устойчивых эпистолярных клише, наиболее часто он фиксируется в составе абстрактных формул почтительного обращения, содержащих личное местоимение в родительном падеже или притяжательное местоимение: ἡ ὑμετέρα βασιλεία («Ваша царственность»), ἡ ὑμῶν ὁσιότης («Ваше преподобие»), ἡ ὑμῶν τελειότης («Ваше совершенство»), ἡ ὑμετέρα εὐγένεια («Ваше благородие») и т. д. Обращение на «вы», разумеется, зачастую вводится и помимо указанных формул, но оно выражено, в большинстве случаев, различными формами местоимений ὑμεῖς и ὑμέτερος. Наиболее редкий случай — личные глагольные формы во 2 л. мн. ч. (γράφετε «Вы пишете» при обращении к одному лицу). Желая выразить почтение к адресату, византиец, скорее, обратится к нему в третьем лице, используя абстрактное обращение.
3. В отличие от западноевропейской традиции, трудно выявить какую-либо зависимость между употреблением PR и социальным положением адресата и автора. Так, например, Игнатий обращается на «вы» и к церковным иерархам, и к личному другу, хартофилаку Никифору: к этим же самым адресатам он в равной степени обращается и в единственном числе. Сохранилось девятнадцать писем Феодора Кизического Константину VII Багрянородному, и в двенадцати из них митрополит обращается к императору исключительно в единственном числе. У Феодора Дафнопата PR в сходных пропорциях фиксируется и в личной, и в официальной переписке, причем в личных письмах он обращается на «ты» к императору¹³, а на «вы» — к ссыльному чиновнику, нуждающемуся в утешении¹⁴. В основном, результаты нашего анализа носят отрицательный характер, то есть выясняется, от каких факторов употребление PR никак не зависит. Что особенно важно, не выявляется никакой зависимости от того, насколько высоко или низко адресат стоит на лестнице светской или духовной иерархии. Вообще обращение на «вы» в византийских текстах, возможно, не вполне правомерно даже называть PR, поскольку оно далеко не всегда означает почтительность: желая выразить уважение к адресату, к нему далеко не всегда обращаются во множественном числе.

¹³ *Théodore Daphnopatès. Correspondance* / Ed. J. Darrouzès, L.G. Westerink. P., 1978. Ep. 12–14, 16. (Далее: Theod. Daphn.).

¹⁴ Theod. Daphn. Ep. 38, 40.

Pluralis majestatis

Как уже говорилось, «множественное величия» наиболее часто и последовательно используется в текстах V–VI вв., отчетливее всего эта закономерность проявляется в указах Юстиниана и его ближайших наследников. Выживает ли эта норма в IX–XI вв.? В упомянутой выше работе¹⁵ учитываются почти исключительно только новеллы императоров, опубликованные К. Цахариэ фон Лингенталем¹⁶, и результаты этого анализа излагаются предельно кратко и обобщенно. В нашем исследовании мы существенно расширили круг источников, которые по стилю и жанровой принадлежности можно разделить на следующие группы:

1. Правовые документы: новеллы, хрисовулы, прочие законодательные акты, написанные от лица императоров (по данным «Регест» Ф. Дэльгера¹⁷).
2. Официальные послания императоров: письмо Василия I римскому папе Николаю I¹⁸; письма Романа I Лакапина, составленные Феодором Дафнопатом¹⁹, письма Михаила VII Дуки Роберту Гвискару²⁰ и др.
3. Личные письма: переписка Константина VII Багрянородного с митрополитом Феодором Кизическим²¹.

Попытаемся выявить специфику употребления РМ в каждой из этих групп.

В правовых документах императоры предпочитают писать о себе во множественном числе: как правило, употребляется либо 1 лицо мн. ч. (напр.: θεοπίζομεν, ὀρίζομεν, κελεύομεν «повелеваем», «постановляем», «приказываем» — *passim*), либо формулы самообозначения, состоящие из абстрактного существительного и личного местоимения «мы» в родительном падеже, с глаголом в 3 лице (напр.: ἡ βασιλεία ἡμῶν... κελεύει «наша царственность... приказывает»²²; τὸ εὐσεβὲς ἡμῶν κράτος... οὐκ ἠνέσχετο «наше благочестивое могущество... не вынесло»²³). Однако безраздельное господство РМ, отмеченное в правовых актах ранневизантийской эпохи, к IX–XI вв. уже заканчивается: наряду с множественным числом активно вводится и единственное. Возникает вопрос: в каких случаях это происходит? В отличие от РР, где мы наблюдали подлинную «игру без правил», здесь можно выделить две основные закономерности.

1. Единственное число нередко вводится там, где император не изъявляет свою волю как глава государства, а высказывается о собственных действиях,

¹⁵ Sasse J. De numero...

¹⁶ Jus graeco-romanum. Pars III: Novellae constitutiones imperatorum post Justinianum quae supersunt, collatae et ordine chronologico digestae / Ed. C.E. Zachariä von Lingenthal. Leipzig, 1957.

¹⁷ Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches / Bearbeitet von F. Dölger. Zweite Auflage neu bearbeitet von A.E. Müller. München, 1995–2009.

¹⁸ Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Ed. G.D. Mansi. T. XVI. Col. 324D–325A. (Далее: Mansi).

¹⁹ Theod. Daphn. Ep. 1.3–7.

²⁰ Bibliotheca graeca medii aevi / Ed. K. N. Sathas. Vol. 5. P., 1876. Ep. 143–144. (Далее: MB).

²¹ Theodori metropolitae Cyzici epistulae, accedunt epistulae mutuae Constantini Porphyrogeniti / Rec. M. Tziatzi-Papagianni. [Corpus Fontium Historiae Byzantine. Series Berolinensis. Vol. 48]. B., 2012. P. 83–108. (Далее: Theod. Cyz.).

²² Les nouvelles de Léon VI le Sage / Ed. A. Dain, P. Noialles. P., 1944. 58.15–18. (Далее: Leo VI. Nov.).

²³ Novella Constitutio Saec. XI Medii a Ioanne Mauropode conscripta a Constantino IX Monomacho promulgata / Ed. A. Salac // Textus Breves Graeci et Latini. T. 1. Prague, 1954. P. 16–37. § 6.1–2. (Далее: Const. IX. Nov.).

мыслях или чувствах, формулирует индивидуальное мнение. В этой связи в форме 1 л. ед. ч., как правило, употребляются следующие категории глаголов: *verba dicendi*, *verba sentiendi*, *verba affectuum*.

Verba dicendi — глаголы со значением «говорить», «утверждать», «признавать» и т. д. Чаще всего встречаются глагольные формы: *φημί*, *λέγω* «говорю», «имею в виду»; *εἶπον*, *ἔφη* «я сказал»; *φαίην ἄν* «я бы сказал»; реже: *ἐλαίνω* «хвалю», «одобряю» / *ἐλαυνέσω* «похвалю». Встречаются и не столь распространенные глаголы: *ἐπροοΐασάμην* «я сказал во вступлении»²⁴.

Verba sentiendi — глаголы со значением «думать», «полагать», «знать», «видеть» и т. д. Наиболее частотные формы: *οἶμαι* «считаю», «полагаю»; *οἶδα* «знаю»; *ὄρω* «вижу». К этой категории примыкают и безличные конструкции с местоимением в ед. ч.: *δοκεῖ μοι* «мне кажется», *ἐμοὶ φαίνεται* «мне представляется», *ἐμοὶ δίκαιον ἐλογίσθη* «было мною сочтено справедливым».

Verba affectuum — глаголы со значением «радоваться», «огорчаться», «восхищаться» и т. д.: *θαυμάζω* «удивляюсь»; *θαυμάζειν ἔλεσι μοι* «у меня вызывает удивление».

Важно отметить, что речь идет не о строгом правиле, а всего лишь о закономерности: перечисленные глаголы и конструкции употребляются и во множественном числе (наряду с *φημί* встречается *φαιμέν*; наряду с *οἶδα* — *ἴσμεν*; помимо *ἐμοὶ φαίνεται* — *ἡμῖν καταφαίνεται*), однако таких форм насчитывается намного меньше. Показательно, что в законодательных актах ранневизантийской эпохи наблюдается противоположное соотношение: те же самые глаголы употребляются чаще всего во множественном числе, а в единственном — крайне редко. Различие хорошо заметно, если сопоставить новеллы двух императоров, Юстиниана I (527–565) и Льва VI Мудрого (886–912), и результаты сопоставления представить в виде таблицы.

	Justinianus	Leo VI
οἶμαι «полагаю» (Sing.)	2 ²⁵	13
οἰόμεθα «полагаем» (Plur.)	6	-
οἶδα «знаю» (Sing.)	-	18
ἴσμεν «знаем» (Plur.)	57	7
φημί «говорю» (Sing.)	-	23
φαιμεν «говорим» (Plur.)	114	7
λέγω «говорю» (Sing.)	-	10
λέγομεν «говорим» (Plur.)	5	-
θαυμάζω «удивляюсь» (Sing.)	-	4
θαυμάζομεν «удивляемся» (Plur.)	3	-

Итак, глаголы и словосочетания со значением «говорить», «полагать», «знать», «удивляться» зачастую, хотя и не всегда, употребляются в единственном числе, а глаголы, выражающие волеизъявление — «приказывать», «решать», «запрещать» и т. д. — всегда во множественном. Насколько последовательно эта закономерность проявляется в отдельно взятом документе, покажет один пример.

²⁴ Leo VI. Nov. 39.12.

²⁵ Цифры означают, сколько раз во всем корпусе встречается данная форма.

Мы выбрали одну из новелл Льва VI Мудрого²⁶ и выписали оттуда все глагольные формы 1-го лица и словосочетания с местоимением 1-го лица. Эти формы мы распределили по двум группам, 1 л. ед. ч. и 1 л. мн. ч., и получился следующий результат:

SING.	PLUR.
1. οἶδα «знаю»	1. ἴσμεν «знаем»
2. φημί «говорю»	2. οὐκ ἔδοξε τῇ βασιλείᾳ ἡμῶν δίκαιον «не представилось нашей царственности справедливым»
3. ἔφην «я сказал»	3. πεφροντίκαμεν «мы позаботились»
4. ἵνα μὴ λέγω «чтобы не сказать»	4. διεγνώκαμεν «мы решили»
	5. θεσπίζομεν «постановляем»
	6. δίκαιον ἡγοούμεθα «мы посчитали справедливым»
	7. κελεύομεν «приказываем»
	8. βουλόμεθα «желаем»
	9. εἰς ἐπίνοιαν ἡμῶν ἤκουσα... διόρθωσις «исправление... пришедшее нам на ум»
	10. τοῦ θεοῦ ἡμῶν νόμου «нашего божественного закона»

Таблица наглядно показывает, что отмеченная нами закономерность в императорской новелле соблюдается в полной мере. Исключения из правила возможны только в одном направлении: *verba dicendi et sentiendi* иногда употребляются во множественном числе, а глаголы со значением «приказывать», «повелевать» в 1 л. ед. ч. вообще не встречаются.

2. Вторая закономерность, которую мы обнаружили в законодательных актах IX–XI вв., далеко не так понятна и объяснима. Как уже упоминалось, императоры нередко прибегали к формулам самообозначения, включающим абстрактное существительное и местоимение (личное или притяжательное): ἡ βασιλεία ἡμῶν «наша царственность», ἡ γαληνότης ἡμῶν «наша светлость», τὸ ἡμέτερον κράτος «наше могущество» и т. д. Все эти формулы употребляются с местоимением мн. ч. («мы», «наш»), но одна из них начиная с XI в. все чаще вводится с местоимением ед. ч.: ἡ βασιλεία μου «моя царственность» вместо ἡμῶν «наша». В ранневизантийской традиции данная формула фиксируется крайне редко: так, в сочинениях Юстиниана I самообозначение ἡ βασιλεία μου (по данным базы TLG) встречается 5 раз, но в пределах лишь одного указа²⁷, между тем как в его новеллах она не попадает ни разу. То же соотношение наблюдается и в юридических памятниках X в. Среди всех законодательных актов Льва VI ἡ βασιλεία μου встречается лишь дважды и только в одном постановлении²⁸; между тем как

²⁶ Leo VI. Nov. 40.

²⁷ Scritti teologici ed ecclesiastici di Giustiniano / Ed. M. Amelotti, L.M. Zingale. Milano, 1977. P. 200–201.

²⁸ Schminck A. "Novellae extravagantes" Leons VI // Subseciva Groningana. 1990. T. 4. P. 195–198.

соответствующая формула с местоимением множ. ч. ἡ βασιλεία ἡμῶν / ἡμετέρα βασιλεία — 23 раза.

Ситуация кардинально меняется в XI в. Начиная с хрисовулов Константина IX Мономаха, формула ἡ βασιλεία μου употребляется весьма часто и становится даже более распространенной, чем ее эквивалент ἡ βασιλεία ἡμῶν / ἡμετέρα βασιλεία; в то время как остальные формулы самообозначения неизменно употребляются с местоимением множ. ч. Приведем несколько показательных примеров.

В хрисовуле Михаила VI монастырю Великой Лавры²⁹ формула τὸ ἡμέτερον κράτος употребляется 1 раз; ἡ βασιλεία ἡμῶν — ни разу; ἡ βασιλεία μου — 4 раза. В хрисовуле Михаила VII Дуки протопродру Константину³⁰ употребляются следующие самообозначения: ἡ γαλήνότης ἡμῶν / ἡμετέρα γαλήνότης — 2 раза; τὸ κράτος ἡμῶν / ἡμέτερον κράτος — 2 раза; ἡ βασιλεία μου — 4 раза; вариант ἡ βασιλεία ἡμῶν не встречается ни разу. Хрисовул Михаила VII Дуки Роберту Гвискару³¹: τὸ κράτος ἡμῶν / ἡμέτερον κράτος — 3 раза; ἡ βασιλεία μου — 8 раз; ἡ βασιλεία ἡμῶν — всего 1 раз. Хрисовул Никифора III Вотаниата монастырю Неа Мони на Хиосе³²: τὸ κράτος ἡμῶν / ἡμέτερον κράτος — 4 раза; ἡ βασιλεία μου — 4 раза; ἡ βασιλεία ἡμῶν отсутствует. Ряд подобных примеров можно было бы продолжить.

Таким образом, складывается новая закономерность: βασιλεία сочетается преимущественно с местоимением ед. ч. (μου), остальные формулы, употребляемые значительно реже (с существительными γαλήνότης, κράτος, εὐσέβεια и др.) — исключительно с местоимениями мн. ч. (ἡμῶν, ἡμέτερος). Ἡ βασιλεία μου «моя царственность» вообще ставится наиболее частотной формулой самообозначения в императорских правовых актах. Следует отметить, что, по данным выборочного исследования И. Зассе, данная закономерность станет нормой как для комниновской³³, так и для поздневизантийской эпохи³⁴. Эта же норма фиксируется и в собрании проэмиев «из древних хрисовулов», изданном Г. Хунгером³⁵. Сборник возник, по-видимому, на рубеже XIII–XIV вв. и, по мнению М. Грюнбарта, содержит предисловия, скопированные из документов XII–XIII вв.³⁶

По нашим подсчетам, в коллекции, состоящей из 20 проэмиев, содержатся следующие формулы самообозначения: τὸ κράτος ἡμῶν / ἡμέτερον κράτος (1 раз с эпитетом γαλήνιον) — 4 раза; τὸ κράτος τῆς βασιλείας μου «могущество моей царственности» («гибридная» формула) — 1 раз; ἡ βασιλεία μου — 38 раз. Распространенная еще в новеллах Льва VI формула ἡ βασιλεία ἡμῶν в сборнике не встречается ни разу.

²⁹ Actes de Lavra. Première partie. Des origines à 1204 / Ed. A. Guillou, P. Lemerle, D. Papachryssanthou, N. Svoronos, P., 1970. P. 194.

³⁰ Βυζαντινὰ ἔγγραφα τῆς μονῆς Πάτμου Α΄ — Αὐτοκρατορικά / Ed. E. Vranusi. T. 1. Athenae, 1980. P. 5–8.

³¹ Michaelis Pselli orationes forenses et acta / Ed. G.T. Dennis. Stuttgart, 1994. Or. 8.

³² Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana collecta / Ed. F. Miklosich et I. Müller. Bd. 5. Wien, 1887. No 6. P. 8–10.

³³ Sasse J. De numero... P. 45–46.

³⁴ Ibid. P. 48–50.

³⁵ Hunger H. Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiserideen in den Arengen der Urkunden. Wien, 1964. S. 217–245.

³⁶ Grünbart M. Formen der Anrede im byzantinischen Brief vom 6. bis zum 12. Jahrhundert. Wien, 2005. S. 46

Эволюция этикетной нормы на протяжении средневизантийской эпохи представляется, таким образом, очевидной.

До сих пор речь шла о первой из трех выделенных нами категорий памятников — о юридических документах. Обратимся теперь ко второй категории, а именно к официальным посланиям императоров. Здесь столь же четких закономерностей, как в новеллах и хрисовулах, обнаружить не удастся.

В послании Василия I папе Николаю I³⁷ употребляется множественное число, включая и *verbum dicendi* φαμέν «мы говорим, имеем в виду» (324B), где можно было бы ожидать, скорее, ед. ч. Единственное исключение — форма ἀσπάζομαι «я прощаюсь» (1 л. ед. ч.) в заключительной фразе.

В двух письмах Михаила VII Дуки Роберту Гвискару, посвященных помолвке сына императора, Константина Дуки, с дочерью Роберта³⁸, василевс пишет о себе исключительно в единственном числе, включая и те случаи, когда речь идет о волеизъявлении главы государства, напр.³⁹: πρὸς σὲ πρῶτον συνθήκας ποιῆσαι προήρημαι («я с тобой первым предпочел заключить договор»). В одном из посланий встречается даже формула τὸ ἐμὸν κράτος «мое могущество»⁴⁰, совершенно не характерная для правовых документов, где подобная конструкция всегда фигурирует с местоимением множественного числа: τὸ κράτος ἡμῶν / ἡμέτερον κράτος «наше могущество».

В дипломатической переписке императора Романа I Лакапина (письма составлены Феодором Дафнопатом и опубликованы в издании его сочинений⁴¹) единой и последовательной картины не складывается. Так, в ер. 4 (эмиру Египта) употребляется исключительно РМ. Ер. 7 (Симеону Болгарскому), напротив, написано сугубо в единственном числе. В остальных посланиях к Симеону (ер. 5, 6) единственное число неоднократно сменяется множественным. То же можно сказать и о ер. 1 (папе Римскому) и ер. 3 (митрополитам), написанным по поводу рукоположения патриарха Фиофилакта. Объяснить, почему в каждом конкретном случае избирается или единственное, или множественное число, далеко не всегда удается.

И все же общая закономерность, выявленная нами в правовых документах, отчасти прослеживается и здесь. Рассмотрим подробнее одно из писем Романа I, адресованных Симеону Болгарскому, ер. 6. В пространным послании (155 строк критического издания) василевс отвечает на упреки болгарского царя, оправдывает свой приход к власти и призывает Симеона к миру. Преимущественно император пишет о себе во множественном числе: из 53 глагольных форм 1 лица 42 стоят во мн. ч. и лишь 11 в ед. ч.⁴² В каких же случаях Роман I отказывается от РМ и переходит на единственное число?

Во-первых, местоимение 1 л. ед. ч. регулярно появляется в обращении к Симеону, которого автор именует πνευματικός μου ἀδελφός «мой духовный брат»⁴³,

³⁷ Mansi. T. XVI. Col. 324D–325A.

³⁸ MB. Ep. 143–144.

³⁹ Ibid. P. 389.16–17.

⁴⁰ Ibid. P. 387.20–21.

⁴¹ Theod. Daphn. Ep. 1.3–7.

⁴² При подсчете были исключены 4 формы мн. ч., где император имеет в виду себя и Симеона.

⁴³ Theod. Daphn. Ep. 6.100–101, 106, 116, 130.

хотя это же словосочетание встречается и с местоимением мн. ч.: πνευματικὸς ἡμῶν ἀδελφός «наш духовный брат» (ер. 6.22, 31, 96).

Во-вторых, встречаются разрозненные глагольные формы 1 л. ед. ч.: ζητῶ «размышляю» (ер. 6.65); βούλομαι «хочу» (91); οἶμαι «полагаю» (100); ἠλιζον «я надеялся» (152). Почти все эти глаголы относятся к категории *verba dicendi et sentiendi*, и их употребление в ед. ч. (в свете вышесказанного) вполне ожидаемо. С другой стороны, в том же письме обнаруживается и форма φαμέν «мы говорим», т. е. *verbum dicendi* выступает во мн. ч.

В-третьих, автор последовательно использует единственное число, когда отклоняет обвинение Симеона в узурпации власти. Часть этого пассажа⁴⁴ целесообразно, в качестве примера, привести по-гречески и в русском переводе (в греческом тексте глагольные формы 1 л. ед. ч. мы выделены жирным шрифтом, а формы 1 л. мн. ч. — курсивом).

Ἀλλ' ἐπεὶ καὶ τὰ ξένα κατέχειν ἡμᾶς ὑπηγόρευέ σου τὸ γράμμα, τὸ ἀποστολικὸν ἐκεῖνο ῥήτον εἰς ἀποδείξεως ἀφορμὴν προβαλόμενον, ἀποδείξομεν ὡς οὐ νουνεχῶς τοῦτο διεσκέψατό σου ἢ σύνεσις. Μεγίστην γάρ, ὅτι μεγίστην πίστιν καὶ ὑποταγὴν πρὸς τὸν ἡμέτερον ἐπεδειξάμεθα γαμβρὸν καὶ βασιλέα. Ἐπεβούλευον αὐτῷ οἱ τηνικαῦτα κρατοῦντες, ἐμελέτων κατ' αὐτοῦ, τὴν μάχαιραν ἠκόνουν. **Προετρόπη**ν παρ' αὐτοῦ τούτους ἐξεῶσ[α]ι τοῦ παλατίου· **ὑπήκουσα**, **ἐξέωσα** ὡς εὐγνωμονῶν, οὐκ οἴκοθεν πρὸς αὐτὸν [κ]ι[ν]ηθεῖς, ἀλλὰ ταῖς αὐτοῦ πεισθεῖς προτροπαῖς· **ἐλυτρωσάμην** αὐτὸν τῆς τούτ[ων] [ἀθ]έου ἐπιβουλῆς, **ἐχαρισάμην**, εἰ δεῖ σὺν [Θε]ῷ φάναί, τὴν ζωὴν.

«Но поскольку твое письмо указывало, что мы владеем чужим, а в качестве основы доказательства было приведено то известное апостольское речение, то мы докажем, что не благоразумно рассудило об этом твое разумение, ибо великую, величайшую верность и покорность мы показали по отношению к нашему зятю и василевсу. Заправлявшие тогда государством злоумышляли против него, козни строили, нож точили. Я был побужден [василевсом] изгнать их из дворца — и я, как благонамеренный [подданный], послушался, изгнал их, устремившись к этому не по собственной воле, но вняв его побуждениям. Я избавил его от их безбожного заговора и, с Божией помощью — если должно сказать об этом — подарил ему жизнь».

Можно предположить, что автор нарочно отказывается от привычного РМ и переходит на единственное число, чтобы подчеркнуть: он совершал эти поступки, еще не будучи императором, как частное лицо и верноподданный Его Величества. Характерно, что, покончив с апологией своей «тирании», Роман I уже до конца послания пишет о себе почти исключительно во множественном числе.

Послание (пусть даже официальное) — не такой строгий и формальный жанр, как новелла или сигиллий, и соблюдения четких правил здесь ожидать не приходится. В некоторых письмах (напр., в рассмотренном нами письме Романа I) проявляется уже известная нам закономерность: формы ед. ч. используются для передачи личных поступков, чувств и мыслей автора, формы множ. ч. (РМ) — для изложения его действий и предписаний как главы государства. В других посланиях (как говорилось выше) единственное число овладевает абсолютной монополией, а традиционный и устаревший РМ оказывается полностью вытесненным.

Можно ли найти какие-либо следы РМ в личной переписке византийских императоров? Среди писем интересующего нас периода есть одно эпистолярное

⁴⁴ Theod. Daphn. Ep. 6.35–43.

собрание такого рода — 8 посланий Константина VII Багрянородного митрополиту Феодору Кизическому. Здесь перед нами тот редкий и ценный случай, когда сохранились письма обоих корреспондентов: не только Константина, но и Феодора. Исходя из правила употребления РМ и РR, сформулированного в западноевропейских письмовниках, следовало бы ожидать, что император пишет о себе, скорее, во множественном числе, а митрополит — в единственном. В действительности, так и оказывается. Однако, даже поверхностное чтение писем василевса показывает, что формы множественного числа в его посланиях с РМ не имеют ничего общего. Достаточно привести один отрывок⁴⁵, глагольные формы и местоимения 1 л. мн. ч. выделены жирным шрифтом, а 1 л. ед. ч. — курсивом):

Οὐκ εἶσιν ἐμὰ τὰ γράμματα, μὰ τὴν σὴν ἀρετὴν, ἀλλὰ τι μικρὸν παπαδύλιον καὶ εὐτελὲς πρὸς τὴν τοιαύτην γραφὴν διηκόνησεν· ἡ δὲ ἀπαγόρευσις, εἰ καὶ **ἡμεῖς ἀρνησόμεθα**, ἀλλὰ δῆλη τυγχάνει τοῖς τὸν **ἡμέτερον** χαρακτῆρα γινώσκουσι· καὶ γὰρ τὸ σαθρὸν τοῦ **ἡμετέρου** νοὸς καὶ τὸ βάρβαρον καὶ σβλοικὸν τῆς **ἡμετέρας** ἀμουσίας οὐ τοῖς πολλοῖς ἄγνωστον καὶ κεκρυμμένον ἐστὶ, ἀλλὰ δῆλον καὶ προφανές, κὰν **ἡμεῖς ἀπαρνώμεθα**.

«Писания не мои, клянусь твоей добродетелью, но прислужил мне в их написании простой и смиренный багюшка. Слова же [наши], пусть даже мы стали бы это отрицать — это очевидно для знающих наш слог; ведь немощь нашего ума и варварская грубость нашего невежества не сокрыта от многих и не известна, а ясна и очевидна, даже если бы мы отрицали»

Итак, в приведенном отрывке всего одно местоимение 1 л. ед. ч., 5 форм местоимения 1 л. мн. ч. и 2 глагольные формы 1 л. мн. ч. Однако, совершенно очевидно, что перед нами не РМ, а нечто противоположное — *pluralis modestiae*, «множественное скромности», весьма распространенное в византийской эпистографии. Таким образом, анализ посланий Константина VII Багрянородного позволяет предположить, что РМ — отличительная черта официального стиля — в частной переписке вовсе отсутствует.

Заключение

Мы проанализировали употребление РМ в трех категориях византийских текстов IX–XI вв.: в правовых документах, в официальных императорских посланиях и в частной переписке.

Подводя итоги, отметим, что в византийских текстах IX–XI вв. РМ сохраняется, но употребляется значительно реже, чем в ранневизантийскую эпоху, и теряет прежнюю универсальность; императоры все чаще отказываются от «множественного величия» и пишут о себе в единственном числе; в первую очередь, глагольные формы ед. ч. служат для передачи личных поступков, мыслей и эмоций императора. Начиная с XI в. наиболее распространенной формулой самообозначения императоров становится ἡ βασιλεία μου «моя царственность», в то время как другие формулы, содержащие местоимение множ. ч., оттесняются на второй план. Специфика употребления РМ во многом зависит от жанровых канонов: в правовых документах отмеченные выше закономерности проявляются заметнее, чем в официальных посланиях; личной переписке императоров (насколько мы можем судить) РМ вовсе чужд.

⁴⁵ Theod. Cyz. Ep. B3.1–5.

Представляется, что «множественное вежливости» и «множественное величия», PR и PM, проходят в Византии один и тот же путь: и то и другое, достигнув расцвета в V–VI вв., впоследствии отходит на второй план; в отличие от западноевропейской традиции, ни PR ни PM в Византии никогда не приобретает значение обязательной этикетной нормы. Оба явления не прижились в греческом языке, потому что они оба связаны с одним и тем же представлением, свойственным западной средневековой культуре: множественное число, будь то 1-го или 2-го лица, воспринимаемое как знак превосходства (вспомним предписание Гвидо Фабы). В Византии прочно укореняется противоположный стереотип, восходящий к античности: множественное число 1-го лица в значении единственного как знак скромности, *pluralis modestiae*. Видимо, в этом и заключается причина того, что «множественное величия» в греческом не прижилось: когда византиец говорил о себе «мы», это была в первую очередь фигура скромности и самозамаления; эта конструкция выражала иронию, жалобу, чувство унижения и обиды, а отнюдь не превосходство и покровительственный тон, как это сложилось на Западе. Поэтому, вероятно, PM, укрепившийся в ранневизантийскую эпоху в процессе взаимовлияния с латинской традицией, постепенно и отошел на второй план, уступив место более органичной конструкции с глаголом в 3 л. ед. ч. и абстрактной формулой самообозначения.

Черноглазов Дмитрий Александрович

Кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский Государственный Университет
Филологический факультет
199034 Санкт-Петербург
Университетская наб. 7–9.

Электронная почта: d_chernoglazov@mail.ru

Dmitry CHERNOGLAZOV

**PLURALIS MAJESTATIS IN BYZANTIUM?
SOME OBSERVATIONS ON MAJESTIC PLURAL
IN BYZANTINE TEXTS OF 9th–11th CENTURIES**

Abstract: The article analyzes the use of *pluralis majestatis* (“majestic plural”, “royal we”) in Byzantine texts of 9th–11th centuries. Legal documents (novels, chrysobulls etc.), official and personal letters of the emperors are studied. It is demonstrated that during the study period given etiquette norm is still actual, but it is used less frequently than in the 5th–7th c.; since the 11th c. preference is given to the self-designation formulas with singular pronoun. The regularities associated with the use of *pluralis majestatis* in different genre forms are analyzed. Parallels are drawn between *pluralis majestatis* and *pluralis reverentiae* in Byzantine literature.

Keywords: *Pluralis majestatis*, royal we, *pluralis reverentiae*, majestic plural, novel, chrysobull, epistolography, Macedonian renaissance.

Literature Cited

- AMELOTTI, M., and ZINGALE, L.M., ed. *Scritti teologici ed ecclesiastici di Giustiniano*. Milano 1977. P. 200–201.
- CHERNOGLAZOV, D.A. “*Pluralis reverentiae* — norma vizantiiskogo epistolarnogo etiketa?” In KAZANSKII, N.N., ed. *Indoevropetskoe iazykoznanie i klassicheskaya filologiya — XIX (chtenii pamiati I.M. Tronskogo)*. *Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, prokhodivshei 22–24 iyunia 2015 g.* Saint-Petersburg 2015. P. 954–963.
- CHERNOGLAZOV, D.A. “Zamechaniia o vizantiiskom epistolarnom etikete XII v.: *pluralis modestiae* i *pluralis reverentiae*.” *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* 4 (2015). P. 94–104.
- DAIN, A., and NOIALLES, P., ed. *Les nouvelles de Léon VI le Sage*. Paris 1944.
- DARROUZÈS, J., and WESTERINK L.G., ed. *Théodore Daphnopatès. Correspondance*. Paris 1978.
- DENNIS, G.T., ed. *Michaelis Pselli orationes forenses et acta*. Stuttgart 1994.
- DICKEY, E. *Greek Forms of Address from Herodotus to Lucian*. Oxford 1996.
- DÖLGER, F., and MÜLLER, A.E., ed. *Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches*. München 1995–2009.
- EHRISMANN, G. “Duzen und Ihrzen im Mittelalter.” *Zeitschrift für deutsche Wortforschung* 1 (1901). P. 117–149.
- GRÜNBART, M. *Formen der Anrede im byzantinischen Brief vom 6. bis zum 12. Jahrhundert*. Wien, 2005.
- GUILLOU, A., LEMERLE, P., PAPACHRYSSANTHOU, D., and SVORONOS, N., eds. *Actes de Lavra. Première partie. Des origines à 1204*. Paris 1970.

- HUNGER, H. *Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden*. Wien 1964.
- MIKLOSICH, F., and MÜLLER, I., eds. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana collecta*. Vol. 5. Wien 1887.
- MURPHY, J.J. *Rhetoric in the Middle Ages: A History of Rhetorical Theory from Saint Augustine to the Renaissance*. Berkeley 2001.
- ROCKINGER, L. *Briefsteller und Formelbücher des elften bis vierzehnten Jahrhunderts*. München 1863.
- SALAC, A., ed. *Textus Breves Graeci et Latini*. Vol. 1. Prague 1954.
- SASSE, J. *De numero plurali qui vocatur maiestatis. Dissertatio inauguralis*. Lipsiae 1889.
- SATHAS, K.N., ed. *Bibliotheca graeca medii aevi*. Vol. 5. Paris 1876.
- SCHMINCK, A. “Novellae extravagantes Leons VI.” *Subseciva Groningana* 4 (1990). P. 195–209.
- SHEWAN, A. “The Pluralis Maiestatis in Homer.” *The Classical Quarterly* 7 (1913). P. 129–131.
- TZIATZI-PAPAGIANNI, M., ed. *Theodori metropolitae Cyzici epistulae, accedunt epistulae mutuae Constantini Porphyrogeniti*. [Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Series Berolinensis. Vol. 48]. Berlin 2012.
- VRANUSI, E., ed. *Byzantina eggrafa tēs monēs Patmou A — Autokratorika*. Vol. 1. Athens 1980.
- WOLFF, P. “Premières recherches sur l’apparition du vouvoiement en latin medieval.” *Comptes rendus des séances de l’Académie des Inscriptions et Belles-Lettres* 2 (1986). P. 370–383.
- WOLFF, P. “Nouvelles recherches sur le vouvoiement: quatre poèmes épiques, quatre formes d’adresses, quatre tempéraments nationaux?” *Comptes rendus des séances de l’Académie des Inscriptions et Belles-Lettres* 1 (1988). P. 58–74.
- ZACHARIÄ VON LINGENTHAL, C.E., ed. *Jus graeco-romanum*. Part III. Leipzig 1957.
- ZILLIACUS, H. *Selbstgefühl und Servilität. Studien zum unregelmässigen Numerusgebrauch im Griechischen*. Helsingfors 1953.

Dmitry CHERNOGLAZOV

PhD, associate professor
Faculty of Philology
St. Petersburg State University.
Universitetskaya emb. 7–9
199034 St. Petersburg.

e-mail: d_chernoglazov@mail.ru